Затерянный на чужбине

Давно закончилась Великая Отечественная война, а люди до сих пор ищут исчезнувших на полях сражений близких

Любовь ЕГОРЕНКОВА, фото Тамары ХАМИЦЕВИЧ и из архива Натальи Вельмаскиной

В нашей семье с фронта не вернулись два моих дяди — Иванов Василий Фёдорович и Ильин Дмитрий Михайлович, о судьбах которых ничего не известно. Долгие годы годня обращалась в разные инстанции, пытаясь хоть что-то узнать. Отвечали одинаково: пропали без вести. Горю тебя за то, что это время не записала точные даты их рождения и откуда каждый призывался на фронт. Сейчас, возможно, нашла бы информацию в Интернете. Но теперь и спросить не у кого. Зато могу порадоваться за минчанку Наталью Вельмаскину, которая через много десятилетий отыскала место, где похоронен ее дед-фронтовик. Можно прийти на могилу, поклониться, положить цветы, поговорить. Хуже — неизвестность.

Семья

Иван Якубович жил в деревне Ловковичи Нечерского района. Держал большое хозяйство, растил вместе с женой Ульяной четверых детей, среди которых была и Нина — будущая мать Натальи Вельмаскиной.

— Дедушка хорошо разбирался в технике, дома всё делал своими руками, — делится собеседница.

Иван Давыдович участвовал в войне с финнами и на радость семье вернулся живым. Когда началась Великая Отечественная, его почти сразу мобилизовали. Как человека грамотного, назначили политруком подразделения пехоты и вместе с другими отправили на фронт. Район города Пропойска (сейчас Славгород).

— Там в середине июля 1941-го шли кровопролитные бои, в которых сражался и наш дед, — продолжает Наталья Вельмаскина. — Красноармейцы пытались перекрыть врагу путь на Москву, однако силы оказались неравными. По некоторым данным под Пропойском погибли более 5 тысяч советских воинов. Остальные, в том числе дедушка, попали в плен.

Ничего о его судьбе домочадцы не знали. Позже пришло известие, что Иван Якубович пропал без вести. Но семья не теряла надежды и ждала. Уже после войны в Ловковичи приехал человек. Пришел к Ульяне и рассказал, что находился в фашистском концлагере вместе с ее мужем. В советских военнопленных организовали побег, во время которого гитлеровцы застрелили Ивана. Услышав печальную весть, семья была настолько убита горем, что никто не додумался просить у визитера, где всё происходило. Позже дочь фронтовика Нина Якубова делала запросы в военкоматы, архивы. Ответы приходили одинаковые: пропал без вести, других сведений нет. Искала всю жизнь, однако отцовскую могилу так и не нашла — умерла.

Шталаг 307

Поиски продолжила правнук Никита — сын Натальи Вельмаскиной. Однажды на сайте memorial.ru он наткнулся на анкету военнопленного концлагеря Шталаг 307 с фамилией Якубов. Стали сверять данные. Всё говорило о том, что это и есть пропавший Иван Давыдович. Плюс ко всему часть документа заполнялась от руки, и почерк опознала другая дочь фронтовика, ныне еще здравствующая Мария.

Фото: Тамара ХАМИЦЕВИЧ

Наталья Вельмаскина

Анкета Ивана Якубова в фашистском плену

В бумагах значилось, что Ивана Якубова взяли в плен 25 июля 1941-го (как раз тогда закончились бои под Пропойском). Умер он 8 октября того же года якобы от воспаления легких.

— В концлагере Шталаг 307 мы ничего не знали, — рассказывает Наталья Дмитриевна. — В Интернете прочитали, что он находился в Польше в городе Демблине, в бывшей Ивангородской крепости, которая раньше принадлежала знаменитому роду Паскевичей. Содержались там советские военнопленные. За более подробной информацией я обращалась в разные польские организации, однако ответа не получила. В 2018-м мы с Никитой поехали туда сами.

Нашли крепость. На территории их не пустили, но порекомендовали обратиться за разъяснениями к военному историку Янушу Зайдзику. Он встретился с минчанами и рассказал всё, что знал о концлагере, а также подарил книгу «Надеуша Опеки. Крепость смерти — Шталаг 307». В ней описаны зверства фашистов по отношению к советским солдатам.

Концлагерь Шталаг 307 гитлеровцы организовали летом 1941 года. Красноармейцев туда начали привозить в открытых вагонах в сентябре. Осень выдалась очень холодной, с ночными заморозками. Многие по пути умирали от голода, каждый из болезней. Трупы из эшелонов просто выбрасывали. В крепости пленникам ежедневно выдавали супы из гнилых овощей, бурду, называемую кофе, и 100 г хлеба. Состоял он из молотой соломы, травы, древесной муки и картофельной шелухи. Людей постоянно мучил холод. На территории лагеря был всего один колодец на десятки тысяч человек, они страдали от жажды. Ежедневно происходили казекуции. Однажды за отказ от работы гитлеровцы расстреляли сразу несколько тысяч военнопленных. Смертная казнь грозила за приближение к проволочной ограде, попытку заговорить с польскими рабочими, занятыми в крепости, поиск еды среди отбросов и многое другое. Оккупанты любили развлечься. Ставили на плацу котел с супом, а когда узники бросались к нему, открывали огонь из автоматов. Трупы сбрасывали в крепостной ров. Жуткую канаву заполнили до краев: мертвые тела лежали плотной массой в 7-8 рядов. Общее число погибших в замученных в концлагере Шталаг 307 советских военнопленных составляет по разным данным от 80 тысяч до 100 тысяч человек.

В Ловковичах стоит мемориал павшим в годы Великой Отечественной войны солдатам — жителям деревни. Среди них есть имя Ивана Якубова. На сельском кладбище рядом с могилой бабушки Ульяны внуки и правнуки установили ему памятник.

Советские военнопленные в концлагере

Эффект бабочки

Одна деталь помогла минчанам точнее установить, где находится захоронение фронтовика. В 1941-м мертвых пленных закапывали на окраине городского кладбища. И учитывая дату смерти Ивана Якубова, могилу следовало искать именно там. Однако найти его мать и сын долго не могли.

— Тогда я тихонечко говорю: «Дед, дай знать, где ты похоронен», — говорит Наталья Дмитриевна. — И начинается мистика. На кладбище вдруг появляется красная бабочка. Идем, она летит рядом с нами. В переди — земляная насыпь. Бабочка подлетает, опускается на траву и сидит там неподвижно.

Это и было первоначальное захоронение советских военнопленных. На нем не установлены ни мемориал, ни крест, ни табличка. Стоят несколько валунов с памятными надписями погибшим пленникам от земляков из Сибири и других мест. Наталья осталась фотографию деда, вынула привезенную самогонку, белорусские сало и хлеб. Помянули предка, поблагодарили за то, что он не жалея жизни, защищал Родину. И погиб на чужой земле, где его даже в общей могилы нет.

— В Минск мы возвращались молча, — продолжает Наталья Вельмаскина. — Каждый из нас пытался осознать то, что свершилось в нашей жизни. У меня было ощущение выполненного долга. Я завершила дело, которое начала моя мама, в память о погибшем дедушке, а также других пропавших без вести красноармейцах.